

СЕРГЕЙ МУРАШЕВ

ПАСХА В ДЕРЕВНЕ

РАССКАЗ

Первый полноценный год — и последний, как говорила жена, — Виктор жил в деревне родителей. Всю зиму. Снегу наметало по колено, с озера по ночам приходили волки, которых он никогда не видел, но так говорили, а уличный фонарь перед магазином погасили в январе, так как кончился лимит на электричество. И никакой работы, никакой. Вся его работа заключалась в том, чтобы почистить снег, принести воды и дров да протопить печь. Ещё он прорывал дорогу к храму, обметал веником крыльцо. Хотя храм не работал, священник из-за удалённости деревни не бывал всю зиму. И в тёплые дни ходили молиться только три старушки, он, да иногда жена с детьми. Очень холодно было стоять без шапки. И он завидовал старушкам, что у них тёплые пуховые платки. Но когда оборачивался и видел синие дрожащие губы, то пугался за них и начинал читать молитвы быстрее.

Особенно сильно замёрзли во время чтения канона Андрея Критского целником: “Душе моя, душе моя, востани, что спиши? Конец приближается”.

Виктор едва защёлкнул замок на дверях и вместо того, чтобы пойти домой, вбежал на высокую деревенскую гору, чтобы как-то согреться. С горы видел, как последняя из старушек вошла в свой дом. Утром он узнавал в магазине, приходили ли они за хлебом, не заболели ли. И когда узнал, что приходили, успокоился.

МУРАШЕВ Сергей Анатольевич родился в 1979 году в деревне Малая Липовка Архангельской области. Занимался промысловой охотой, был дворником, дорожным рабочим, кладовщиком. В 1999 году опубликовал свой первый рассказ, в 2007 году выпустил сборник рассказов для семейного чтения “Маленькая книжка”. В 2013 году окончил Литературный институт им. М. Горького. Несколько лет работал корреспондентом районной газеты в г. Каргополе Архангельской области. В 2019 году вышла книга “Ленты Мёбиуса”. Женат, четверо детей. Член Союза писателей России.

А всё началось с доски. Они проездом заехали к тётке в деревню. Летним солнечным днём на новой машине, чтобы переждать самую жару и не много отдохнуть. У тётки он уже не был лет двадцать, и сам бы дом, конечно, не нашёл. Но мужики, курившие около магазина, подсказали приметку — колодец-журавль, который высоко, может быть, выше дома, поднимался над забором и глядел на всё и вся. Поэтому Виктор лихо подъехал к калитке и, не задумываясь, представился и обнял вышедшую навстречу высокую старуху, чем-то похожую на медведицу. В платье из толстой ткани, плохо сидящем на ней, рейтузах, кофте и платке. Рядом с ней стоял её муж дядя Венья. Чуть меньше её ростом. С наполовину лысой яйцевидной головой, в белой майке и спортивных, на которых налипли сухие травинки и мелкие веточки. Дядя Венья, когда говорил что-нибудь, через слово повторял “ёлки!”, “дак ёлки!” Как оказалось позже, из-за присутствия городских и особенно детей, он замечал этим словом матюги.

— А мы только с ягод, — сказала тётя Ирина, — перекрикивая общий шум. — Ещё переодеться не успели. Давайте в дом!

Маленькая коротколапая собака, лаявшая до этого в своей конуре, осмелев от громкого хозяйского голоса, выскочила и залаяла с удвоенной силой.

— Да она не кусается, ёлки, — дядя Венья встал перед собачкой, и она лаяла теперь за его спиной, иногда высовываясь из-за ног.

Казалось, что дом ожил. Заскрипели ступени и половицы, захлопали двери, засмеялись, заговорили дети. Им дали молока с ягодами. Дядя Венья оказался лучшей в мире нянюшкой. А Виктор с женой пошли смотреть дом и всё старинное. Жена последнее время ходила по музеям, старым измам, цеплялась за старинное, как за якорь, который не даст утащить их семью в общем потоке неизвестно куда.

“Ух! Ах!”, “А это что?”, “Как здорово!” — только и слышалось из разных уголков дома.

На повети лежало старое пыльное сено, и всё вокруг было пыльно. Пахло каким-то вековым духом. Висели домотканые половики, спутанная рыболовная сеть. Стояли вилы с длиннющей ручкой, грабли с деревянными зубьями, косы, какие-то бочки и ушаты.

Жена, подобрав подол платья, проходила между пыльными вещами, рассматривала всё внимательно. И время тянулось. Виктор устал, целый день сегодня за рулём. Он уже хотел пойти к своим девочкам, тоже попить молока с ягодами, как вдруг заметил на тёмной доске, лежащей на большой бочке без верхнего обруча, остатки краски полудужьем: “Икона!” Показалось ему, что сказал это вслух. Он оглянулся: жена щупала полочок, тётка скучала.

Виктор нагнулся над доской, чтобы удостовериться: в слепом свете, который шёл через щели и маленькие оконца где-то под потолком, можно было и ошибиться. Последнее время часто вместе с женой бывая в музеях, он видел много старинных икон. Несомненно, это была она.

— Тётя Ирина, откуда это у вас? — выдохнул он.

— Чего? — левая бровь у тётки чуть вздёрнута, словно она удивляется. На самом деле это последствие какой-то болезни.

— Вот эта доска, — сказал, хотел взять в руки, но не стал.

— Крышка! — весело сказала тётка.

— Какая крышка?

— Ну, крышка! Обычная крышка, капусту закрывать, — видимо, тётка устала, что гости долго молчат, а ей хотелось поговорить, и она, пользуясь случаем, говорила все слова с напором, заменяя количество качеством.

— А откуда?

— Крышка! Всегда закрывали. И мама закрывала.

Больше он ничего не добился. После того как пообедали, пошли смотреть фамильный дом Виктора. Теперь в нём никто не живёт. Тётка с дядькой кое-как за ним присматривают. Но самое главное, что он стоит в центре. Об этом несколько раз сказали и тётя, и дядя. Было смешно слышать об этом “центре”, словно деревня — огромный город, хотя на самом деле она всего километр в длину. Но позже Виктор оценил, что это значит. В центре

деревни дорогу зимой чистят лучше. А если ещё не прочистили, то натоптана вполне сносная тропинка. В центре горит фонарь. Недалеко до магазина, медпункта, почты.

Но тогда, когда они пришли смотреть дом, он стоял в центре высокой травы, словно в гнезде огромной птицы. Внутрь не пошли. Дядя Веня долго рассказывал, что надо подремонтировать, и всё время повторял, отмахиваясь от слепней: “Ёлки, ёлки”. А Виктор думал об иконе. Перед самым отъездом, когда прощались, спросил:

— Тётя Ирина, а подарите мне ту доску?

— Крышку-то? — спросила она и на несколько секунд задумалась, словно соображая, где доска может пригодиться в хозяйстве. Может, дыру какую забыть. Но в последний момент показалось, что она знает, что это икона. — А забирай!

Весь оставшийся день и ночь Виктор радовался, вспоминал, что зади в машине лежит икона, завёрнутая в газету. Тётка в газеты не оборачивала, это он сам. В небольшом городке остановились у магазина, и Виктор увидел на столе рекламную газету. Взял сразу три.

А потом в суматохе города началась реставрация иконы. Как-то само собой стали чаще ходить в церковь: то с батюшкой надо посоветоваться, то найти знающего прихожанина. В мастерских долго не могли определить, кто изображён на иконе. Сначала думали, что какой-то местный святой. Но вскоре по знакам догадались, что Спаситель. Один из художников взялся отреставрировать. Все три месяца, что шла работа по восстановлению письма, Виктор был счастлив как-то по-особенному. Ему казалось, что это его благодарность Богу за жену и детей. Он женился поздно, в тридцать семь. До этого всю жизнь отходил на подводной лодке (было не до семьи) и уже думал, что останется холостяком. Но тут появилась Леночка. В кругу друзей, в мыслях, он всегда называл её женой. Ему казалось, что это слово — “жена” — какое-то особенное, красивое, непостижимое. Потом родились две девочки, две дочки-погодки: Маша и Даша. Он и не думал, что это произойдёт, но они родились. На свадьбе бабка так и сказала, ткнув пальцем ему в грудь: “Это тебе Бог дал”.

Когда Виктор получил отреставрированную икону, его сначала передёрнуло. Спаситель был нарисован заново, масляными красками и как-то неестественно. Но он отбросил первое впечатление. А со временем присмотрелся и привык. Спаситель смотрел уверенно и по-доброму, а в руках держал чётки.

Икону поставили на самое видное место, на пианино, купленное для девочек. Вскоре рядышком появились ещё иконы, и ещё. А весной Виктор повенчался с женой. Без гостей и шума. И как-то естественно. Поэтому отвозить Спасителя в деревню поехали с новым чувством, в каком-то новом статусе.

Староста храма, сухонькая старушка, которая сильно прибаловала в тот месяц, сходу вручила Виктору ключи от церкви. И тут же при нём испросила на это благословение у священника.

“Лена, без меня меня обрили. На лето старостой церкви сделали”, — сказал он жене. До сих пор помнит свою растерянность и недоумение, которое испытывал тогда. Лена неожиданно обрадовалась: “Это хорошо! Будем храм восстанавливать!” И эти слова тоже запомнились. Потом, когда было трудно, Виктор часто вспоминал их, подбадривая себя: “Это хорошо! Будем храм восстанавливать!”

На приходской сход посмотреть на нового старосту собралось очень много людей. Виктор не мог поднять на них глаза, а они все проголосовали за его кандидатуру. Стали потихоньку кое-где подлачивать, подкрашивать. Много времени уходило на ремонт своего дома, и восстановление продвигалось медленно. Виктор, конечно, сделал большую ошибку, что положил привезённую икону Спасителя на отдельный аналой, словно великую ценность.

— Я такую освящать не буду! — сказал батюшка при первом своём приезде. — Не буду, и девайте куда хотите.

В руках у Спасителя чётки, а на пальцах перстни, и это неправильно. У Спасителя никогда не было украшений. Скорее всего, это какой-то святой князь, но, реставрируя, из него сделали Спасителя.

Икону с неправильным изображением Христа удалось пристроить в соседнюю деревню в небольшой музей при библиотеке. “Новая интерпретация. Давно нужны современные святые!” — сказала библиотекариша, маленькая, плотненькая женщина, и унесла куда-то икону. “А у нас колокол от вашей церкви есть, — добавила она, вернувшись. — История такова: в тридцатые годы велено было колокола снять и отвезти на станцию на переплавку. Когда везли, один из мужиков и сказал: “А давайте скинем самый маленький? Никто и не заметит”. Взяли и скинули. У них никто ничего не спросил. А на обратном пути забрали. Объявился он в семидесятых. Его повесили на воротах гаража и сзывали людей на собрание. А потом передали в музей, мы его в храм отдадим, вернём хозяевам. Вы нам икону, мы вам колокол”, — и она засмеялась.

Колокол Виктору понравился. Пережил революцию, перестройку. Хотя и маленький, а сантиметров сорок в высоту будет, и весит, наверно, не меньше двадцати килограммов. Хотелось бы услышать, как он звонит. Но это всё мечты. От колокольни сохранился только один фундамент.

Решение остаться на зиму в деревне пришло неожиданно. Их сосед Алёша Коровин по прозвищу Кузьма привёз на тракторе полную телегу сухих колотых дров.

— Если зимовать будете, нужны сухие дрова! — крикнул он из кабины работающего трактора. — А я вам, как батюшке с матушкой и по-соседски, со скидкой продам!

— Мы не батюшка с матушкой! — тоже перекрикивая трактор, ответил Виктор. Он стоял около калитки, опёршись о лопату, и уже давно не копался в огороде, а просто стоял. Жена собирала малину, а девочки играли во что-то своё.

— Ну, всё равно, восстанавливаете храм — значит, со скидкой!

Виктор подумал, что девочки уже привыкли к соседскому трактору, а мальчики, наверно, и не отходили бы.

— Так чего? — крикнул Кузьма как-то вызывающе-обиженно.

Виктор посмотрел на жену. Та улыбнулась ему, и он махнул рукой:

— Вываливай!

И всё как-то сразу оживилось, ускорилося. Укладывали дрова, заказывали ещё. Утепляли дом. Каждый день приходил помогать дядя Веня и повторял: “Ёлки, ёлки”. Все его и за глаза, и в глаза стали звать: дядя Веня Ёлкин. Это звучало как-то радостно, как дядя Стёпа Милиционер.

Первые три месяца жить в деревне по-новому, как местные, было хорошо. Радостно было топить в приморозки печь и смотреть на огонь. Однажды младшая, Машенька, сказала:

— Огонь арит!

После этого долго ещё было достаточно сказать друг другу эти чудесные слова: “Огонь арит!”, поймать радостный взгляд жены — и уже целый день хорошее настроение.

Вскоре местные привыкли к ним. Они перестали быть какими-то значительными людьми. И даже стали выглядеть мельче остальных, так как ничего не понимали в деревенской жизни. Наступили короткие декабрьские дни и длинные ночи. Виктор довольно легко справлялся с этим. Перед отъездом в деревню он работал охранником в общежитии института и научился преодолевать время. Он так это и называл: преодолевать время. Жене было сложнее. Почти каждое утро она просыпалась в плохом настроении: “Опять мороз”, “Опять снегу намело” или “Снова тает”. Это значило, что весь день будет сложно. Непонятно, чем она жила тогда, а Виктор жил будущим летом, когда продолжится восстановление. Он хотел со временем построить колокольню, повесить тот колокол и позвонить. С колокольни ему будет видно, как на звон собираются прихожане. Вот торопится молодая женщина. А вот и старушка с палочкой, тоже торопится, но боится упасть и широко расставляет ноги. Несколько ребят запрокинули головы и смотрят на него, а он звонит. Эту мечту, которой он жил, оборвала жена. Она не выдержала в Новый год.

Дети уже спали. Виктор с женой сидели за столом просто так, пили чай. Под тусклой лампочкой. Жена уже несколько раз просила сменить лампоч-

ку, и он менял, но лампочка перегорала. Надо менять проводку, а это придётся делать летом. Жена читала какой-то детектив, она сдружилась с библиотекаршей из соседней деревни, и та присылает ей книги с хлебной машиной. И вот читает и читает, а Виктор сидит рядом, потому что Лена боится одна. Мелко тикают часы, словно дрожат. Иногда мигает свет — тоже вздрагивает. Самое плохое, что нет действующего храма, постоянных служб. Это страшно. Лена в овчинном безрукавном полушубке, который подарил дядя Веня, и в валенках. Виктор тоже в валенках, в толстом шерстяном свитере и спортивках с начёсом. Он старается смотреть на скорбившуюся над книгой жену, но слегка подрёмывает, и жена то пропадает в его глазах, то снова появляется. В это время и пришёл сосед Кузьма. Он даже испугал Виктора. Дверь открыл без стука:

— А я вижу, сидите! Пришёл поздравить с Новым годом! — Кузьма шатался. В одной руке у него бутылка водки, а в другой — большая коробка конфет. Сам в пиджаке, в ботиночках, чисто выбрит. Именно это больше всего поразило Виктора, он невольно посмотрел на свои валенки с заплатами. Стало неприятно. Лена, видимо, тоже почувствовала это. Она вдруг вскочила и сорвала на Кузьме всю свою злость, тоску и безысходность. Называла его постоянно Алексей Владимирович. А тот стоял и не понимал, что происходит. С лица его не сходила улыбка. Наконец он догадался, что ему совсем не рады, и тихо, только повторяя: “Извините, извините, извините!” — ушёл.

Лена долго плакала после этого, и Виктор не мог её утешить. Она вскрикивала иногда так сильно, что проснулись девочки. И младшая тоже заплакала, а старшая смотрела строго-строго и испуганно, словно случилось непоправимое горе. И это всё: плачущая жена, дети, в рейтузах и тёплых спальнях платяцах, сшитых тётёй Ириной, тусклый свет, невозможность ничего изменить — сильно подействовало на Виктора.

На следующий день пошли мириться с соседом. Пили ту самую водку, закусывали конфетами. Сосед был всё ещё в пиджаке, он, наверно, так и спал в нём. В кухне не прибрано и грязно, на крючке около печки висела старая роба, под ней лежали вповалку кирзовые сапоги и валенки. Из ведра под умывальником пахло. В русской печи стояла переполненная пепельница, несколько окурков выпали из неё. Но особенно примирил Виктора с соседом оторванный в углу прямо с мясом, с наклеенными для тепла газетами, кусок обоев. Виднелись два бревна, в щель одного из них воткнута алюминиевая ложка.

Жена снова то и дело плакала. Вместе с ней плакал сосед. Больше, видимо, от радости, что к нему пришли. Дети были с дядей Ёлкиным, который, как оказалось, тоже плакал. Он сильно заболел, и его клали надолго в областную больницу. Вместе с ним к родственникам ехала и тётя Ирина. Это больше всего удивило Виктора: он думал, что она не сможет без деревни. Но она только говорила: “Куда он там без меня? Куда он?” — и не плакала.

С этой страшной новогодней ночи и тяжёлого дня решено было уехать обратно в город. Виктора без проблем возьмут в охранники, Лена снова сможет преподавать музыку. Она привезла с собой в деревню электрическое пианино. Но здесь перебой с энергией, да и кому она нужна с электрическим пианино в деревне? Уехать решили в начале лета, сорваться прямо в середине зимы было как-то нечестно. Они хотели довести церковь до лета и передать её в надёжные руки. Да и самим себе или кому-то доказать, что они могут. Весомым аргументом против бегства из деревни было то, что Виктор сдал квартиру друзьям. Вариант — попросить их или потревожить — даже не рассматривался.

Тётя Ирина предложила им переехать в её дом, и они согласились. Весь январь ушёл на весёлый переезд на санках. Ещё долго девочки вместе с Виктором ходили “на холодный дом” что-нибудь привезти. Всего больше девочкам нравилось ехать на шубе дяди Ёлкина, уложенной в сани. Приехав, долго ходили по выставшей избе, ища, что бы ещё перевезти. Но ничего не находили, ни под кроватью, ни в шкафу. Даже ни одной картинке на стенах уже не осталось. Тогда старшая раз десятый говорила: “Нет, ничего нет”, —

разводила руками, и они ехали домой. А дома горячий чай и оладушки, которые напекла Лена. Она вкуснее стала готовить, заметно похорошела, чаще стала говорить о городе как о чём-то реальном. Было понятно, что она ждёт дня, когда уедут. Бессознательно и Виктор стал жить этим.

В тёплой избе с кошкой и собакой всем было легче. Девочки стали больше играть, а то до этого Лена говорила всё время, что они не развиваются, они тупеют.

На масленицу ездили в соседнее село в гости к библиотекарше. Около клуба состоялись настоящие гуляния, с блинами, с песнями, танцами и играми. Торговали шашлыками, горячим чаем. День выдался солнечный, многие ходили в растёгнутых куртках, и ощутимо чувствовалось наступление весны, а затем лета.

Виктор легко поднял двухпудовую гирию сорок четыре раза — раньше он был чемпионом города по гиревому двоеборью. Ему дали за рекорд пять блинов. Дочери полезли на руки, и он поднял и их. Чуть выпившая библиотекарша запрыгала от восторга и захлопала в ладоши. Она была в серой распахнутой шубе. Развязанный пояс висел одним концом до самой земли, от этого библиотекарша походила на какого-то зверька, прыгающего на задних лапах.

К своему ужасу, во время масленицы и потом за столом Виктор заметил много недочётов и минусов в жене. Он сравнивал её с библиотекаршей, с подругой библиотекарши Людой, высокой, стройной женщиной. Люде нельзя было говорить, что она худая — она всю жизнь боролась со своим весом и мечтала поправиться.

Виктору было противно то ли оттого, что он сравнивает, то ли от самогона, который пил вместе с мужиками. На гулянье его заметили мужики, подошли и предложили выпить. Он побоялся обидеть отказом. После первой его стали расспрашивать о церкви, о священниках. И он отвечал, хотя сам знал мало.

Ночевали у библиотекарши. Девочки быстро уснули, и он прилёг рядом. Женщины на кухне ещё долго сидели и смеялись. Но Виктор не хотел туда идти, потому что там были Лена и Люда.

Хорошо, что наступил Великий пост. Для Виктора было важно не то, что есть какие-то ограничения, а то, что в конце поста — Пасха. Он стал больше молиться и серьёзнее готовиться к каждому воскресенью. По воскресеньям обязательно читал что-нибудь в церкви. Он решил читать, даже если будет приходиться один. Но такого не бывало. Всегда случалось какое-нибудь чудо. Один раз приходили двое мужчин, приехавшие издалека, чтобы помянуть брата. Им надо было обязательно поставить свечку, и они не знали, куда поставить. В середине поста в храм заявила целая компания — посмотреть. Муж с женой и семеро детей. Все в хорошей городской одежде. Это было очень непривычно. Мужчина и старший сын в чёрных очках. Всё семейство долго ходило по храму, ставило свечки, а перед уходом мужчина положил на стол тысячу рублей.

Но всего больше Виктору запомнился продавец из палатки, расположившейся на выходной около магазина. Он молча вошёл и так молча и стоял с шапкой, прижатой к груди двумя руками. Смотрел на Царские врата и всё стоял. Пока Виктор читал, пока собирался. Надо было уже идти, а он всё стоял и стоял. И Виктор думал, как тот не боится, что разложенные вещи могут унести.

Во время поста думалось, что жена живёт какой-то другой, отдельной жизнью: он молится, ходит в храм, а она готовит, убирает, играет с детьми. Но оказалось всё не так. Однажды Лена сказала с улыбкой: “Как же я давно не исповедовалась, а так хочется”. И Виктор заметил, что жена стала проще, естественнее. Они не причащались с самого декабря, очень долго, так как его машина с низкой посадкой просто не могла выехать из деревни. Лишний снег с дороги уже сошёл, а Виктор даже не подумал о причащении. На Вербное Воскресенье приехал священник и отслужил службу. Худенький, старенький отец Олег. Неожиданно для Виктора народу набралось много, и ему пришлось помогать в алтаре. Кроме старушек, в храме

появились молодые женщины в беретах, трое мужчин, дети. Кто-то приехал из других деревень.

Незадолго до причастия Виктора буквально затрясло от переживаний. Он едва стоял на ногах, кадило в его руках раскачалось и слегка позванивало.

Отец Олег подошёл к нему и стал что-то говорить. Виктору казалось, что тот ругает за кадило, что оно трясётся, а его надо держать спокойно. Взглядывал отец Олег исподлобья. Глаза были яркие-яркие, и казалось, что он боится ослепить этими глазами. Наконец Виктор понял, что священник спрашивает его о чём-то: “Венчались?”, “Первым браком?” И стал односложно отвечать на вопросы. Наконец, отец Олег спросил: хочет ли он стать священником? И тут же добавил: “Ты подумай, я не тороплю”.

Лене Виктор про предложение священника ничего не сказал. Думал всю Страстную, но так и не знал, что ответить.

“Думай — не думай, а надо идти в храм”, — Виктор посмотрел на часы: без двадцати двенадцать. Он сидел на кухне, на коленях его пригrelась кошка и мурлыкала. Лена ушла укладывать дочек, но, наверно, прилегла с ними и уснула. Он ждал её, но так и не дождался. Осторожно приподнял кошку, встал, но она всё-таки воткнула ему в ногу коготь повыше колена. Печка тёплая, на ней сушатся маленькие ботиночки и валенки Виктора. Лена сегодня выскочила в них, когда приехал отец Олег освящать куличи, и они намокли. Отец Олег ничего не спросил про решение, но сказал, что приедет на Светлой седмице в гости.

Виктор ещё немного повозился у входа, но Лена так и не пришла. Он включил фонарик на мобильном и вышел. На улице темень страшная. Снег уже растаял, и ничего не видно. Приморозило, земля слегка твёрдая, на лужах ледок. Далеко слышно шаги, шум ручья. Воздух холодный, но какой-то весенне-холодный, освежающий. В двух домах горят ночники, ещё в одном мерцает телевизор. По запаху слышно, что в магазине топится печь — это дядя Илья топит, старик, чтоб утром тепло было. Замок на храме замёрз, заиндевел и не открывается. Пришлось долго жечь спички, одну за другой, чтобы открыть. В храме хорошо. На скамейке стоят кулич и пасха, это Ленины, не удалось унести сразу.

Он почитал пасхальные молитвы, посидел на лавочке, взял кулич в одну руку, пасху — в другую и пошёл обратно. Без фонарика совсем темно. Посередине пути его вдруг окружили собаки. Они бегали вокруг, прыгали, задевали его и, казалось, хотели схватить пасху. Он знал, что одна из них — большая овчарка, которая днём сидит на цепи, а на ночь её отпускают.

Виктор повыше поднял кулич и пасху, шёл осторожно, чтоб не поскользнуться на ледяном. Около дома на крыльце горел фонарь. Он казался очень ярким в темноте, хотя освещал только часть стены, доски, кинутые на грязное место, да представляющиеся чем-то страшным кусты смородины. Лена вышла навстречу, кутаясь в белую шаль, и взяла кулич. Она хотела рассказать мужу, что у них будет ребёнок, и она думает, что мальчик. Она таилась весь пост и вот решила сказать. Он долго раздевался, копошился в прихожей. Руки и ноги у Виктора занемели, и только теперь он почувствовал, как замёрз.

— Чай уже готов, — Лена отрезала от кулича два кусочка.

Он посмотрел на неё и увидел, какая она красивая с распускающейся, на скорую руку завитой косой, с выбившимися прядями волос, и не удержался, сказал:

— Я тебя люблю!